

Этот роман о Сесилии (Силке) Кляйн основан на рассказе не только Лале Соколова, татуировщика из Освенцима, который знал ее по Освенциму-Биркенау, но и других людей, знакомых с Силкой, а также на моем собственном расследовании. И хотя в книге сплетаются воедино судьбы женщин, уцелевших после Холокоста и сосланных в советские лагеря системы ГУЛАГ в конце Второй мировой войны, это художественное произведение, а потому в нем не излагаются во всей полноте факты жизни Силки. Кроме того, в романе действуют разные персонажи. На создание одних меня вдохновили реальные люди, а другие — плод моего воображения. В нашей истории существует масса фактографических материалов, документирующих эту страшную эпоху, и я подержу любого читателя, заинтересованного в его поиске.

Дополнительная информация о Сесилии Кляйн и ее семье, а также о ГУЛАГе приводится в конце данной книги. Надеюсь, что после ее опубликования появятся новые подробности о жизни Силки и знавших ее людях.

*Хезер Моррис,
октябрь 2019 года*

Глава 1

*Концлагерь Освенцим,
27 января 1945 года*

Восемнадцатилетняя Силка непонимающе смотрит на возвышающегося над ней солдата из армейской части, которая вошла в лагерь. Он что-то говорит по-русски, потом по-немецки:

— Ты свободна. Du bist frei.

До нее не сразу доходят его слова. Единственные русские, которых она до этого видела в лагере, — военнопленные, истощенные, голодающие.

Неужели такое возможно и свобода действительно существует? Неужели этот кошмар закончился?

Не дождавшись ответа, солдат, нагнувшись, кладет руки ей на плечи, и Силка вздрагивает.

— Прости, я не хотел тебя напугать, — произносит солдат на плохом немецком и быстро убирает руки, потом догадывается, что она его не понимает, и медленно повторяет: — Ты свободна. Ты в безопасности. Мы — Советская армия, и мы пришли сюда помочь тебе.

— Я понимаю, — шепчет Силка, плотнее запахивая на хрупкой фигурке пальто.

— Понимаешь русский? — (Силка кивает, ведь она выросла там, где говорили на русинском языке, одном из восточнославянских.) — Как тебя зовут? — ласково спрашивает он.

Силка смотрит солдату в глаза и отвечает ясным голосом:

— Я Сесилия Кляйн, но друзья называют меня Силка.

— Красивое имя, — говорит он.

Так странно смотреть на такого здорового мужчину, не являющегося одним из ее тюремщиков. Эти ясные глаза, полные щеки, светлые волосы, выбивающиеся из-под фуражки.

— Силка Кляйн, откуда ты родом?

Воспоминания о прежней жизни потускнели, затуманились. В какой-то момент ей стало чересчур мучительно вспоминать о жизни с родными в Бардеёве.

— Я из Чехословакии, — отвечает она прерывающимся голосом.

*Концлагерь Освенцим-Биркенау,
февраль 1945 года*

Силка сидит в блоке, пододвинувшись как можно ближе к единственной печке. Она понимает, что успела привлечь к себе внимание. Других физически крепких женщин, в том числе ее подруг, эсэсовцы принудительно выдворили из лагеря уже несколько недель назад. Оставшиеся узницы — ходячие скелеты, больные или совсем дети. И есть еще Силка. Оставшихся должны были расстрелять, но, торопясь убраться вон, нацисты бросили их на произвол судьбы.

С солдатами пришли, как слышала Силка, представители контрразведки, хотя она не понимает, что это значит, чтобы решить задачи, которые не входят в обязанности армии. Эта организация призвана поддерживать закон и порядок, в осо-

бенности когда речь заходит о любых угрозах для Советского государства. Как сказал ей один солдат, они опрашивают каждого узника с целью определения его статуса во время заключения в лагере: не сотрудничал ли он или она с нацистами, не работал ли на них. Отступающая германская армия считается врагом Советского Союза, и любой, имеющий к ним отношение, по умолчанию является врагом Советского Союза.

В блок входит солдат:

— Пойдем со мной!

Он указывает на Силку, хватая ее за правую руку и заставляя встать.

На протяжении нескольких недель она видит, как других девушек уводят на допрос, и это вошло в распорядок их блока. Настает очередь Силки. Ей всего восемнадцать лет, и она лишь надеется, что они поймут: у нее не было выбора, и, чтобы выжить, пришлось подчиниться. Не было выбора, помимо смерти. Она лишь надеется, что вскоре сможет вернуться домой в Чехословакию и жить дальше.

Силку приводят в здание, где размещается штаб Советской армии. Силка робко улыбается четверым мужчинам, сидящим в комнате напротив нее. Они здесь, чтобы наказать ее жестоких тюремщиков, а не ее. Настали хорошие времена, не будет больше потерь. Но ее улыбка остается без ответа. Она замечает, что их форма немного отличается от формы военных, оставшихся снаружи. На плечах у них погоны с синим кантом, лежащие на столе перед ними фуражки того же цвета с красной полосой.

Один из них в конце концов улыбается ей и ласково произносит:

— Скажи, пожалуйста, как тебя зовут?

— Сесилия Кляйн.
— Откуда ты родом, Сесилия? Страна и город.
— Я из Бардеёва в Чехословакии.
— Дата твоего рождения?
— Семнадцатое марта тысяча девятьсот двадцать шестого года.

— Сколько времени ты пробыла здесь?
— Меня привезли сюда двадцать третьего апреля тысяча девятьсот сорок второго года, мне только что исполнилось шестнадцать.

Офицер молча изучает ее:

— Много времени прошло.
— Здесь — это целая вечность.
— И что ты делала здесь с апреля тысяча девятьсот сорок второго?

— Старалась выжить.
— Да, но как ты это делала? — Он наклоняет голову, глядя на нее. — Ты не похожа на голодающую.

Силка не отвечает, теребя руками кончики волос, которые она подрезала несколько недель назад, когда ее подруг отправили из лагеря.

— Ты работала?

— Я работала, чтобы остаться в живых.

Мужчины обмениваются взглядами. Один из них берет листок бумаги, делая вид, что читает, а потом говорит:

— У нас рапорт на тебя, Сесилия Кляйн. В нем говорится, что ты сохранила себе жизнь, занимаясь проституцией с врагом.

Силка молчит, с трудом сглатывает, переводит взгляд с одного мужчины на другого, пытаясь понять смысл их слов, угадать, что они ожидают услышать в ответ.

— Это простой вопрос, — произносит другой. — Ты спала с нацистами?

ДОРОГА ИЗ ОСВЕНЦИМА

— Они — мои враги. Я была их узницей.

— Но ты спала с нацистами? Нам сказали, что да.

— Как и многие другие здесь, мне приходилось делать то, что велели мои тюремщики.

Встает первый офицер и, не глядя на нее, говорит:

— Сесилия Кляйн, мы отправим тебя в Краков, где определится твоя судьба.

— Нет! Вы не можете так со мной поступить! — восклицает Силка, которая не может поверить в происходящее. — Я здесь узница.

Один из мужчин, до сих пор молчавший, спокойно спрашивает:

— Ты говоришь по-немецки?

— Да, немного. Я здесь уже три года.

— И нам сказали, ты говоришь и на других языках, хотя сама из Чехословакии.

Силка не возражает, хмурясь и не понимая смысла сказанного. Она изучала иностранные языки в школе, другим научилась здесь.

Офицеры переглядываются.

— Владение иностранными языками заставляет заподозрить тебя в том, что ты шпионка, продающая кому-то информацию. Это будет расследовано в Кракове.

— Можешь ожидать длительного срока каторжных работ, — произносит первый офицер.

Силка реагирует не сразу, а потом ее хватает за руку солдат, который привел ее в комнату, и выволакивает за дверь, а она пронзительно кричит:

— Меня заставили, меня насильовали! Нет! Пожалуйста!

Но офицеры не обращают на это внимания. Они занимаются следующим заключенным.

*Тюрьма Монтелюпих, Краков,
июль 1945 года*

Силка, скорчившись, сидит в углу сырой вонючей камеры, пытаясь ухватить нить уходящего времени. Дни, недели, месяцы.

Она не разговаривает с женщинами вокруг нее. Любую, пойманную надзирателями за разговорами, выводят за дверь, и потом она возвращается с синяками и в разорванной одежде. Молчи, не высывайся, говорит она себе, пока не поймешь, что происходит и что следует говорить или делать. Она оторвала от платья клочок ткани и замотала себе нос и рот, пытаясь заглушить вонь от человеческих экскрементов, сырости и гниения.

В один из дней Силку выводят из камеры. Ей, обессиленной от голода и постоянной настороженности, все кажется нематериальным, как во сне: фигуры надзирателей, стены, пол. В коридоре она становится в колонну заключенных, медленно двигающихся к двери. Ей удается на миг прислониться к теплой сухой стене. В коридорах есть отопление для надзирателей, а в камерах нет. И хотя погода снаружи должна быть теплой, стены тюрьмы, похоже, удерживают ночную прохладу в течение следующего дня.

Наконец Силка входит в комнату, где за столом сидит офицер, лицо которого освещено зеленоватым светом единственной лампы. Офицеры, стоящие у двери, делают ей знак подойти к столу.

Офицер смотрит на листок бумаги:

— Сесилия Кляйн?

Она оглядывается по сторонам. Она одна в комнате с тремя дородными мужчинами.

— Да.

ДОРОГА ИЗ ОСВЕНЦИМА

Он вновь опускает взгляд на бумагу:

— Тебя обвиняют в том, что ты работала проституткой на врагов, а также в шпионской деятельности. Ты приговорена к пятнадцати годам каторжного труда. — Он подписывает листок. — Подпиши здесь, что согласна.

Силка поняла все, что сказал офицер. Он говорил по-немецки, а не по-русски. Значит, это шутка? — думает она. Она чувствует на себе глаза мужчин, стоящих у двери. Она знает, что должна что-то сделать. Похоже, у нее нет выбора.

Сидящий за столом офицер переворачивает лист бумаги и указывает на пунктирную линию. Буквы над линией напечатаны кириллицей. И вновь, как не раз случалось в ее молодой жизни, она стоит перед выбором: пойти по узкой дорожке, лежащей перед ней, или принять смерть.

Офицер протягивает ей перо, а затем бросает скучающий взгляд на дверь в ожидании следующего. Он всего лишь выполняет свою работу.

Трясущейся рукой Силка подписывает листок.

Ее выводят из тюрьмы и заталкивают в грузовик, и тут она понимает: зима прошла, весны как не бывало и на дворе лето. Солнечное тепло как бальзам для ее промерзшего, но все еще живого тела, однако от этого сияния больно глазам. Силка не успевает еще привыкнуть к яркому свету, как грузовик резко останавливается. Перед ней возникает красный вагон поезда для перевозки скота.

Глава 2

*Поезд в Воркутинский лагерь, Сибирь,
в 160 километрах к северу от Северного
полярного круга, июль 1945 года*

Пол закрытого железнодорожного вагона устлан соломой, и каждая узница пытается выкроить себе местечко, чтобы сесть. Голосят пожилые женщины, плачут младенцы. Звуки женского страдания. Силка надеялась, что ей не придется больше их слышать. Поезд часами простаивает на станциях, и горячее солнце превращает теплушку в печь. Ведро воды, принесенное на всех, вскоре иссякает. Младенцы заходятся в крике, старухи раскачиваются из стороны в сторону, словно в трансе. Силка прижалась к стенке, с жадностью вдыхая струйки воздуха, просачивающиеся сквозь крошечные трещины. К ней сбоку прислонилась какая-то женщина, с силой навалившись на ее колени. Силка не отталкивает женщину. Не имеет смысла бороться за место, которого нет.

Наступает ночь. Состав рывком трогается с места, и локомотив натужно силится увезти подальше от Кракова неведомое число вагонов, лишая Силку надежды вернуться домой.

Итак, сидя тогда в том блоке в *другом месте* и ожидая решения своей участи, она на миг позволила себе понадеяться. Как она только посмела?! Ей предначертано быть наказанной. Может быть, она это заслужила. Но под стук вагонных ко-

лес она дает себе клятву, что никогда и ни за что не попадет снова в такое место, как блок 25.

Должны найтись другие способы остаться в живых, помимо того, когда оказываешься свидетелем стольких смертей.

Узнает ли она когда-нибудь о том, удалось ли спастись ее подругам, вывезенным из лагеря? Они должны были спастись. Ей невыносимо думать о другом исходе.

Под перестук колес дети засыпают, но вскоре тишину нарушает вопль молодой матери, держащей на руках исхудавшего ребенка. Ребенок умер.

Силка удивляется: что же совершили другие женщины, чтобы попасть сюда? Они тоже еврейки? Как она поняла из разговоров, большинство женщин в тюрьме не были еврейками. Куда же их везут? Как ни странно, Силке удается заснуть.

От резкого торможения поезда женщин разметало по теплушке. Кто-то ударяется головой, кто-то ногой, слышны крики боли. Силка удерживается на месте, схватившись за женщину, которая ночью прислонялась к ней.

— Приехали, — говорит кто-то.

Но куда приехали?

Силка слышит, как опять с лязгом открываются двери первых вагонов, но никто не выходит. Потом раздвигаются двери их вагона. И снова в глаза Силки бьет яркий солнечный свет.

Снаружи стоят двое мужчин. Один протягивает женщинам ведро воды. Второй швыряет внутрь несколько буханок хлеба, после чего задвигает двери. Их снова окутывает полумрак. Начинается потасовка за кусок хлеба. Слишком знакомая Силке сцена. Вопли все усиливаются, пока наконец не встает пожилая женщина, подняв руки и ничего

не говоря. Даже в полумраке ее внушительная поза заставляет всех замолчать.

— Будем делиться, — произносит она властным голосом. — Сколько у нас буханок?

Поднимаются пять рук, по числу буханок хлеба, которые надо разделить на всех.

— Отдайте одну детям, а остальные поделим. Если кому-нибудь не достанется, в следующий раз они получат хлеб первыми. Согласны?

Женщины начинают отламывать от буханки по маленькому кусочку, передавая хлеб матерям. Силка остается без хлеба. Она расстроена. Она считает, что неразумно давать еду детям, если их отправят в место, аналогичное тому, где она была. Это будет понапрасну. Она понимает, что мысль эта ужасная.

Состав несколько часов стоит на месте. Женщины и грудные дети снова затихают.

Тишина вдруг нарушается криками какой-то девочки. Женщины рядом с ней пытаются успокоить ее, выяснить, что случилось. Она рыдает, подняв окровавленную руку. Силка видит это в мерцающем свете, проникающем сквозь щели в стене теплушки.

— Я умираю.

Находящаяся рядом женщина смотрит вниз на кровь, которой запятнано платье девочки.

— У нее месячные, — говорит она. — С ней все хорошо, она не умирает.

Однако девочка продолжает рыдать.

Сидящая рядом с Силкой девушка, чуть моложе ее и в таком же летнем платье, поднимается с пола со словами:

— Как тебя зовут?

— Ана, — хнычет девочка.

— Ана, я Йося. Мы позаботимся о тебе, — говорит она, окидывая взглядом теплушку. — Правда?

Женщины одобрительно бормочут.

Одна из них обхватывает ладонями лицо девочки и придвигается к ней:

— У тебя раньше не было месячных кровотечений?

Девочка отрицательно качает головой. Взрослая женщина прижимает ее к груди, стараясь успокоить. Силка охватывает странный приступ тоски.

— Ты не умираешь, ты становишься женщиной.

Некоторые женщины отрывают лоскуты от подолов своих платьев и передают их женщине, взявшей на себя заботу о девочке.

Поезд рывком трогается с места, и Йося падает на пол, захихикав. Силка не может удержаться и тоже прыскает. Они переглядываются. Йося немного похожа на ее подругу Гиту. Темные брови и ресницы, маленький красивый рот.

Проходит много часов, и состав снова останавливается. Узникам дают воду и хлеб. На этой остановке молодой матери приходится отдать солдатам своего мертвого младенца. Охранники удерживают ее от попыток выбраться из теплушки и остаться с мертвым ребенком. Дверь вагона с грохотом задвигается, и женщина умолкает. Ее устраивают в углу вагона, где она может оплакать свое горе.

Силка видит, что Йося внимательно наблюдает за происходящим, прикрыв губы ладонью.

— Ты Йося, да? — спрашивает Силка девушку, которая в самом начале сидела, прислонившись к ней.

Она спрашивает по-польски, поскольку слышала, как та говорит на этом языке.

— Да. — Йося медленно пробирается среди тел, пока не утыкается в колени Силки.

— Я Силка.

Их разговор, похоже, поощряет к общению других женщин. Силка слышит, как соседки знакомятся друг с другом, и вскоре в теплушке начинают шушукаться. Определяют, кто на каком языке говорит, и женщины одной национальности пересаживаются ближе друг к другу. Они рассказывают свои истории. Одну женщину осудили за то, что она якобы помогала нацистам, разрешая им покупать хлеб в ее пекарне в Польше. Другую арестовали за то, что она переводила немецкие пропагандистские листовки. Еще одну схватили нацисты, а русские, застав их вместе, обвинили ее в шпионаже на немцев. Как ни странно, рассказы женщин о том, как они попали в этот переплет, сопровождаются не только слезами, но и смехом. Некоторые женщины уверяют, что поезд идет в исправительно-трудовой лагерь, но куда именно, они не знают.

Йося рассказывает Силке, что она из Кракова и что ей шестнадцать лет. Силка открывает рот, собираясь рассказать о себе, но тут сидящая рядом женщина громким голосом объявляет:

— Я знаю, почему она здесь.

— Оставь ее в покое, — вмешивается властная женщина постарше, предложившая делить хлеб.

— Но я видела, как она зимой ходила в шубе, а мы умирали от холода.

Силка хранит молчание. По шее у нее ползут мурашки. Она поднимает голову и в упор смотрит на обидчицу. Этот взгляд женщина не может вы-

держат. Силка смутно помнит ее. Не была ли она тоже старожилом в Биркенау? Разве у нее не было теплой и удобной работы в административном здании?

— А ты, которая хочет обвинить ее, — говорит женщина постарше, — почему ты сейчас в этом роскошном вагоне едешь с нами в летний отпуск?

— Я ничего не сделала, — раздается робкий ответ.

— Мы все ничего не сделали, — защищая свою новую подругу, решительно произносит Йося.

Отвернувшись от женщины, Силка сжимает губы.

Она чувствует на себе ласковый ободряющий взгляд Йоси.

Силка отвечает ей слабой улыбкой, а потом отворачивается к стене и закрывает глаза, пытаясь изгнать из памяти внезапно нахлынувшее воспоминание о Шварцхубере, старшем офицере из Биркенау, как он, возвышаясь над ней в той комнатке, расстегивает ремень, а за стеной слышатся рыдания женщин.

* * *

На следующей остановке Силка получает свою порцию хлеба. Она инстинктивно съедает половину, а остальное засовывает за корсаж платья. И оглядывается по сторонам, испугавшись, что кто-то попытается отобрать у нее хлеб. Потом, закрыв глаза, отворачивается к стене.

Ей все-таки удается уснуть.

Очнувшись ото сна, она пугается, увидев прямо перед собой Йосю. Йося протягивает руку к коротко остриженным волосам Силки и дотрагива-

ется до них. Силка старается подавить в себе желание оттолкнуть девушку.

— Мне нравятся твои волосы, — произносит печальный усталый голос.

Расслабившись, Силка дотрагивается до неровно остриженных волос юной девушки.

— Мне твои тоже нравятся.

В тюрьме Силку обрили и обработали голову от вшей. Для нее это знакомая процедура, поскольку она часто наблюдала ее в *другом месте*, но для Йоси это, вероятно, что-то новое.

Стремясь сменить тему разговора, Силка спрашивает:

— Ты здесь не одна?

— Я с бабушкой.

Силка следует за взглядом Йоси, замечает бодрую пожилую женщину, которая продолжает обнимать девочку Ану, и внимательно рассматривает обеих. Они кивают друг другу.

— Тебе, наверное, хочется пересесть ближе к бабушке, — говорит Силка.

Там, куда они едут, пожилая женщина может и не выдержать долго.

— Да, надо. Она, наверное, боится.

— Ты права. Я тоже боюсь, — отвечает Силка.

— Правда? А по виду не скажешь.

— О-о, боюсь! Если захочешь еще поговорить, я буду здесь.

Йосия, пробираясь к своей бабушке, осторожно обходит других женщин. Силка наблюдает за ней при вспышках света, проникающего сквозь деревянную обшивку. Видя, как женщины пододвигаются, освобождая место ее новой подруге, Силка чуть улыбается.

* * *

— Мне кажется, прошло девять дней. Я считала. Сколько еще ехать? — бормочет Йося, ни к кому в особенности не обращаясь.

В теплушке теперь больше места. Силка со считала, сколько человек умерло от болезней, голода или ран, полученных на допросах. Во время стоянок их тела убирают из вагона. Одиннадцать взрослых, четыре грудных ребенка. Время от времени в теплушку кидают фрукты и корки хлеба, и Силка видит, как матери размягчают их во рту, чтобы дать детям.

Теперь Йося лежит, свернувшись калачиком, рядом с Силкой и положив ей голову на колени. Сон Йоси беспокоен. Силка догадывается, какие образы проносятся в сознании девушки. Несколько дней назад умерла ее бабушка. Эта женщина казалась такой сильной и бодрой, но потом начала кашлять, все сильнее и сильнее. Ее била дрожь, и она отказывалась от своей порции хлеба. А потом кашель прекратился.

Силка смотрела на Йосю, молча стоящую у дверей теплушки, когда тело ее бабушки грубо пихнули вниз ожидающим конвоирам. Силка ощутила сильную боль, от которой согнулась пополам, и у нее перехватило дыхание. Но она не издала ни звука, не проронила ни слезинки.

Освенцим, 1942 год

В жаркий летний день сотни девушек ведут из Освенцима в Биркенау. Четыре километра. Медленный мучительный переход для многих, у кого

плохая обувь, и еще хуже для тех, у кого вовсе нет обуви. Пройдя под большой кирпичной аркой, они оказываются на стройплощадке по сооружению бараков. Работающие там мужчины прерывают работу, в ужасе глядя на вновь прибывших. Силка и ее сестра Магда пробыли в Освенциме около трех месяцев, работая вместе с другими словацкими девушками.

С главной дороги, идущей через лагерь, они сворачивают на отгороженную забором территорию, где стоят несколько законченных зданий, а другие еще только строятся. Заключенных останавливают, и они стоят под палящим солнцем, как им кажется, не один час.

Сзади слышится какой-то шум. Силка оглядывается на ворота в женский лагерь и видит старшего офицера, который со своей свитой подходит к ним. Большинство девушек стоят с опущенными головами. Но не Силка. Она хочет увидеть человека, обеспечивающего защиту от группы безоружных беззащитных девушек.

— *Оберштурмфюрер Шварцхубер, — обращаясь к старшему офицеру, говорит конвоир, — будете сегодня наблюдать за отбором?*

— *Да.*

Старший офицер Шварцхубер идет вдоль шеренги девушек и женщин. Проходя мимо Силки и Магды, он чуть задерживается. Дойдя до края шеренги, он возвращается назад. На этот раз он видит опущенные вниз лица. Время от времени он приподнимает стеклом лицо девушки за подбородок.

Шварцхубер подходит ближе и останавливается рядом с Силкой, Магда стоит за ней. Он поднимает стек. Силка опережает его и вздерги-

вает подбородок, глядя прямо на него. Если она привлечет его внимание, то он проигнорирует ее сестру. Он поднимает ее левую руку, пытаясь разглядеть на коже потускневшие цифры. Силка слышит за собой прерывистое дыхание Магды. Шварцхубер отпускает ее руку и возвращается в начало шеренги. Силка замечает, что он разговаривает со стоящим рядом офицером СС.

* * *

Их снова сортируют. Налево, направо. Сердце громко стучит, тело в страхе сжимается. Силку и Магду отобрали, позволив прожить еще день. Теперь они выстроились в очередь в ожидании болезненной процедуры — обновить татуировки с номерами, чтобы остались надолго. Они стоят рядом, но не касаются друг друга, хотя отчаянно нуждаются в поддержке. Ожидая, они шепотом подбадривают друг друга.

Силка подсчитывает, сколько девушек стоят перед ней. Пять. Скоро наступит ее очередь, а потом очередь Магды. И снова она протянет кому-то свою левую руку, чтобы он наколот ей на кожу расплывчатые синие цифры. Впервые ей накололи номер в Освенциме три месяца назад, теперь снова после отбора для нового лагеря, Освенцим-2: Биркенау. Она начинает дрожать. На дворе лето, припекает солнце. Силка боится предстоящей боли. В первый раз она закричала от боли. В этот раз Силка говорит себе, что будет молчать. Хотя ей всего шестнадцать, она не станет больше вести себя по-детски.

Из-за спин стоящих впереди девушек Силка наблюдает за татуировщиком. Он заглядывает

в глаза девушки, руку которой в тот момент держит, подносит к губам палец, как бы говоря: ш-ш-ш. И улыбается девушке. Когда девушка отходит, он опускает глаза в землю, потом вновь поднимает взгляд и смотрит, как она идет дальше. Потом берет руку следующей девушки и не видит, что предыдущая девушка оборачивается, чтобы взглянуть на него.

Четыре. Три. Два. Один. Теперь очередь Силки. Она бросает быстрый ободряющий взгляд на Магду, потом делает шаг вперед. Силка стоит перед татуировщиком, прижимая левую руку к боку. Он осторожно приподнимает ее руку. Удивляясь самой себе, она не сопротивляется — почти интуитивно, — и он заглядывает ей в глаза, выражающие гнев и отвращение в ожидании очередного надругательства.

— Мне жаль, так жаль, — ласково шепчет он. — Пожалуйста, дай мне руку.

Проходит несколько мгновений. Он не делает попыток прикоснуться к ней. Она поднимает руку и протягивает ему.

— Спасибо, — шепотом произносит он. — Я сделаю быстро.

Из ее руки капает кровь, хотя и не так много, как в прошлый раз.

— Поаккуратнее с моей сестрой, — шепчет Силка, потом отходит как можно медленнее, чтобы Магда успела догнать ее.

Силка с любопытством озирается по сторонам в поисках девушки, которая стояла перед ней. Потом оглядывается на татуировщика. Тот занят своей работой. Силка замечает, что девушка, стоявшая на пять номеров раньше ее, сейчас находится у блока 29. Она подходит к ней и

ДОРОГА ИЗ ОСВЕНЦИМА

другим девушкам, ожидающим, когда их впустят в так называемый дом. Силка рассматривает ту девушку. Даже несмотря на бритую голову и мешковатое платье, скрывающее фигуру, она красива. В ее больших темных глазах не заметно отчаяния, которое Силка видит у многих. Ей хочется познакомиться с этой девушкой, на которую пялился татуировщик. Вскоре, морщась от боли, к ней подходит Магда. Временно они оказались вне поля зрения охранников, и Силка сжимает руку сестры.

В тот вечер, когда девушки устраиваются на нарах и начинают осторожно выспрашивать друг друга: «Откуда ты родом?», Силка узнает, что ту девушку зовут Гита. Она родом из деревни в Словакии, недалеко от городка Бардеёв, где жили Силка и Магда. Гита знакомит Силку и Магду со своими подругами Даной и Иванкой.

На следующий день после переключки девушек отправляют в рабочую зону. Силку отводят в сторону и не посылают, как других, работать в «Канаде», где они сортируют одежду, украшения и ценные вещи, привезенные в Освенцим заключенными, большую часть из которых подготавливают для отправки в Германию. Вместо этого ей велено явиться к административному корпусу, где она будет работать.